

АЛЕКСАНДР АМФИТЕАТРОВ

ДЬЯВОЛ

Александр Амфитеатров

Дьявол

«Public Domain»

1905

Амфитеатров А. В.

Дьявол / А. В. Амфитеатров — «Public Domain», 1905

«Всем известен поэтический миф о возмущении и падении ангелов. Этот миф внушил Данте несколько стихов – из числа прекраснейших в «Аде», а Мильтону – незабвенный эпизод «Потерянного Рая». В христианстве миф этот разными отцами и учителями церкви по-разному излагался и окрашивался. Между тем под ним нет решительно никакого иного основания, кроме толкования одного стиха у Исайи и нескольких довольно темных мест в Новом Завете. В чем заключалась точная причина к бунту духов против своего Творца, легенды изъясняют схоже в общей психологии мифа и очень разно в подробной мотивировке. В одном из общеизвестных мест Корана говорится, что ангелам было поведено преклониться пред Адамом, наместником Аллаха на земле, но Эблис (дьявол), полный гордыни, отказался совершить это поклонение. Другой миф, совершенно иного характера, но не менее поэтический и усвоенный писателями, как еврейскими, так и христианскими, рассказывает об ангелах или сынах божьих (bene haelohim), которые, увлекшись дочерьми человеческими (bepo haada'm), пали с ними и, в наказание за грех, были изгнаны из царства небесного и из ангелов обратились в демонов. Этот второй миф освящен, как излюбленная тема, стихами Мура и Байрона. Таким образом, оба мифа признают демонов падшими ангелами, а падение их связывают с грехом: в первом случае – с гордостью или завистью, и с преступную любовью – во втором...»

© Амфитеатров А. В., 1905

© Public Domain, 1905

Содержание

Глава первая	5
Глава вторая	19
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Александр Амфитеатров

Дьявол

В быте, легенде и в литературе средних веков.

Глава первая

Родословие и эволюция Сатаны

Всем известен поэтический миф о возмущении и падении ангелов. Этот миф внушил Данте несколько стихов – из числа прекраснейших в «Аде», а Мильтону – незабвенный эпизод «Потерянного Рая». В христианстве миф этот разными отцами и учителями церкви по-разному излагался и окрашивался. Между тем под ним нет решительно никакого иного основания, кроме толкования одного стиха у Исаяи и нескольких довольно темных мест в Новом Завете. В чем заключалась точная причина к бунту духов против своего Творца, легенды изъясняют схоже в общей психологии мифа и очень разное в подробной мотивировке. В одном из общеизвестных мест Корана говорится, что ангелам было поведено преклониться пред Адамом, наместником Аллаха на земле, но Эблис (дьявол), полный гордыни, отказался совершить это поклонение. Другой миф, совершенно иного характера, но не менее поэтичный и усвоенный писателями, как еврейскими, так и христианскими, рассказывает об ангелах или сынах божьих (*bene haelohim*), которые, увлекшись дочерьми человеческими (*bepo haada'm*), пали с ними и, в наказание за грех, были изгнаны из царства небесного и из ангелов обратились в демонов. Этот второй миф освящен, как излюбленная тема, стихами Мура и Байрона. Таким образом, оба мифа признают демонов падшими ангелами, а падение их связывают с грехом: в первом случае – с гордостью или завистью, и с преступною любовью – во втором.

Но это лишь легенда, а не история Сатаны и товарищей его. Происхождение Сатаны, рассматриваемого как мировое олицетворение злого начала, гораздо менее эпическое и вместе с тем более давнее, глубже уходит в века. Сатана старше годами всех могущих и страшных богов, память о которых осталась в истории человечества. Он не с неба низвергся, но взвился выпрыг из бездн человеческого духа, в современности тем темным богам древнейших эпох, чьих имен не напоминает даже ни один камень: люди пережили их и забыли их. Современник их и часто смешиваемый с ними Сатана, как все живое, зачинается зародышем и лишь постепенно возрастает и развивается в личность. Закон эволюции, управляющий всеми бытиями, движет также и Сатаной.

Уже никто из мало-мальски образованных научно людей нашего века не думает, будто религии сравнительно грубого типа возникли из разложения и распада какой-либо религии более совершенной, напротив, всякий отлично знает обратное: что более совершенные религии развились из первобытно грубых, и, следовательно, в этих последних и надо искать происхождение того мрачного образа, который, под различными именами, представляет собой зло и становится его началом. Если период, известный в истории нашей планеты под именем третичного, уже застал на земле человека, то, возможно думать, застал еще настолько звероподобным, что напрасно было бы искать в нем религиозного чувства в точном смысле этого слова. Человек после третичного периода, даже в самой древней отдаленности, уже знаком с огнем и употребляет орудия из камня. Но он не погребает своих мертвецов, что служит верным показателем того, насколько его религиозные идеи, если только есть они у него, скудны и неповоротливы. Чтобы найти первые достоверные следы религиозности, надо подняться до периода, который геологи называют, неолитическим (шлифованного камня). Мы не можем узнать непосредственным исследованием, какова была религия наших тогдашних предков, но

мы в состоянии сделать о ней заключение, наблюдая религии множества диких народностей, которые еще живут на земле и точно воспроизводят быт человечества доисторического. Ведь, с более широкой точки зрения, характер и нравы человечества обнаруживают однообразие и постоянство явлений, заставившее итальянцев сказать: «Весь мир есть страна» (*tutto il mondo e paese*)... «При сравнениях рас, стоящих приблизительно на одной степени цивилизации, не следует, – говорит Тейлор, – придавать большого значения исторической эпохе или географическому положению, обитатели озерных жилищ древней Швейцарии могут быть поставлены рядом, со средневековыми ацтеками и североамериканские оджибвеи рядом с южноафриканскими зулусами. Доктор Джонсон, прочитав в путешествиях Гауксворта описание патагонцев и островитян Тихого океана, презрительно выразился, что все дикие племена похожи друг на друга... Если мы будем избирать для сравнения предметы, мало изменившиеся в течение столетий, мы получим картину, в которой английский землевладелец будет стоять рядом со среднеафриканским негром». Предшествовал ли в исторической эволюции фетишизм анимизму или наоборот, но верования наших праотцев должны были быть совершенно в том же роде, как теперь у негров африканских или у американских краснокожих. Об этом нам свидетельствуют недра, земли, сохранившиеся, вместе со следами их жилищ, их оружием и инструментами, так же и их амулеты. В их воображении мир был полон духами вещей и душами умерших, и на счет духов относилось все, дурное и хорошее, что случалось в жизни. Мысль, что одни из этих духов благодетельны, а другие зловредны, одни друзья, а другие враги, подсказывал уже самый опыт житейский, в котором постоянно чередуются удачи и потери, и притом чередуются так выразительно, что, если не всегда, то довольно часто определяется постоянство и в разнице причин, преследуемых разными результатами. Солнце, свет дающее, заставляющее весной землю вновь одеваться зеленью и цветами, посылающее зрелость плодам, должно было привести к умозаключению, что оно, по существу своему, сила благотворная. Вихрь, кроющий небо мраком, ломающий деревья, разрушающий и разметывающий худо сколоченные лачуги, внушал считать его силой, по существу зловредной. Духи разделялись на два больших воинства, в зависимости от того, казалось ли людям, что они получают от духов – пользу или вред.

Но не этим определился истинный и решительный дуализм. Благотворные духи не были еще объявленными и непримиримыми врагами духов зловредных, и первые не были всегда благодетельными, так вторые – всегда вредными. Верующий никогда не мог поручиться за настроение духов, под опекой которых он находился; боялся оскорбить друзей, боялся разозлить врагов, и, в равном усердии одинаковых средств, старался расположить к себе всех их, не веряясь слишком – никому. Первобытная религия уже признает влечение к какой-то властной силе большей, чем человеческая, равно как и свою от нее зависимость, но не умеет классифицировать ее по этическим категориям. Между добрыми и злыми не было определенного морального противоречия, не только противоположение действий. Они не могли иметь морального характера, которого еще не было и у их поклонников, едва вышедших из животного состояния, и добрыми или злыми называться могут лишь постольку, поскольку первобытному человеку представляется добром все, что ему на пользу, и злом все, что ему во вред.

То, что в наши дни называется бушменскою моралью: я украл барана, – это хорошо, и дух, который мне помог украсть, добрый дух; у меня украли барана, – это худо, и дух, который помог вору воровать, – злой дух. Так, например, по представлениям грубого бразильского племени Тупигамба, души тех, которые жили *добродетельно*, то есть мстили врагам и многих из них умертвили, поселятся за большими горами и будут плясать в роскошных садах с душами отцов, тогда как души изнеженных ничтожных людей, которые не старались защитить свое племя, отправятся к злому духу, на вечные мучения. Дикие поклонники изображали свои божества во всем подобными себе: переменчивыми, покорными страстям, то ласковыми, то свирепыми, и добрых не почитали более высокими и почтенными, чем злых.

Конечно, в злых появляется уже тень Сатаны, вырисовывается дух зла, но зла еще чисто физического. Зло – то, что вредит, и злой дух – тот, который низвергает, молнию, воспламеняет вулканы, наводняет землю, сеет голод и болезни. Злой дух еще не выработался в представление морального зла, потому что различие морального добра и зла еще не сложилось в умах человечества; из двух ликов Сатаны, разрушителя и развратителя, он приемлет и являет только одну первую. Злой дух не отмечен еще своею собственной, специальной низостью, не имеет никого, кто был бы выше его и господствовал над ним.

Но мало-помалу моральное самосознание разбирается в себе и определяется, и религия приобретает этический характер, которого она раньше не имела и не могла иметь. Самое зрелище природы, где силы противостоят силам и где одна из них разрушает то, что создает другая, подсказывает идею о двух враждебных началах, которые взаимно отрицают друг друга и борются между собой. Затем человек, развивая союз общежития, не замедлил заметить, что, кроме добра и зла физических, есть еще добро и зло моральные, то есть сумма требований и уступок человека человеку, без которых союз общежития невообразим и неисполним, но которым дикарь подчиняется не сразу и не с большой охотой. И вот, – в эволюции этой – ему сдается, что в себе самом он узнает то же самое двуборение, которое он видит и испытывает в природе. Он чувствует себя то добрым, то злым, понимает, что однажды он лучше, в другой раз хуже, но – собственную благость ли, преступность ли, он не признает за свои, за выражение своей же собственной натуры. Привыкнув приписывать силам божественным и демоническим физические добро и зло, он точно так же приписывает тем же божественным и демоническим силам добро и зло моральные. И вот – от доброго духа исходят уже не только свет, здоровье, все, что поддерживает и умножает жизнь, но еще и святость, понимаемая как совокупность всех добродетелей; от злого духа приходит не только тьма, болезни и смерть, но еще и грех. Так-то люди, разделив чисто субъективным суждением природу на добрую и злую и смешав с этим физическим добром и злом то моральное добро и зло, что самим им свойственно, фабрикуют богов и демонов. Совесть, то есть проснувшееся в зачатках культуры моральное самосознание, естественно, по инстинкту общественности и самосохранения, признает превосходство добра над злом и смутно мечтает о победе первого над вторым. Отсюда она настаивает на том, что демон становится, во-первых, подчиненным богу, а, во-вторых, – чем живет и повелительнее совесть, тем ярче представляет, она недостойность демона. И вот, демон, который в первом начале своем смешивался с богом в одном разряде нейтральных духов, одинаково способных как на добро, так и на зло, мало-помалу различается от бога, пока, наконец, не отторгается от него во всем. Он будет духом тьмы, а его противник – духом света; он – духом ненависти, а его противник – духом любви; он – духом смерти, а его противник – духом жизни. Обителью Сатаны будет бездна, обителью бога – царство небесное.

Так устанавливается и определяется дуализм. Так его понятие, в медленной работе веков, развивается из понятий, усвоенных людьми о природе и самих себе. Однако намеченная здесь история дуализма является лишь, так сказать, схематической и идеальной, но не конкретной и реальной. Дуализм, развитый или в зачатке, выраженный или подразумеваемый, находится во всех религиях. Но он движется по разным ступеням, принимает многие формы, скрашивается пестрыми особенностями в зависимости от различия народов и культур.

Мы видели, что злые духи появляются уже в самых грубых религиях, еще едва различаемых; но там они плохо определены и, как бы разлиты в природе. В более возвышенных религиях, по мере того как организм их расширяется и завершается, злые духи являются с большей определенностью, приобретают известные атрибуты и личность. Из великих исторических религий наиболее отдаленные, но и сравнительно достоверные сведения мы имеем о религии древнего Египта. В ней божествам благодетельным, подателям жизни и благоден-

ствия, каковы Фта, Ра, Аммон, Озирис, Изида, противопоставляется змее Апеппи¹, чудовищный Сэт, опустошитель, сокрушитель, отец обмана и лжи. Финикийцы противопоставили Ваалу и Ашере Молоха и Астарту. В Индии жизнедавец Индра и хранитель Варуна получили противниками Вритру и Асуров, и дуализм проник даже в основную Троицу (Тримурти). В Персии Ормузду, который царствует в светлом небе, противопоставлен непримиримый противник Ариман, который повелевает подземным миром. Один равнозначущ свету, истине, благу, другой – мраку, лжи и вырождению. Один повелевает благодетельными гениями, которые защищают, благочестиво верующего, другой – демонами, злоба которых вызывает все несчастья, поражающие человечество. Оба противоположных начала сражаются за господство над землей, и каждое из двух натворило в своих целях полезных и вредных зверей и растений. Таким образом, все здесь на земле – или небесное или адское. Ариман и его демоны, которые опутывают человека, чтобы ввести его в искушение и ему повредить, это злые боги, но не зависимые от тех, которые образуют дружины Ормузда. Маг приносит им жертвы, затем ли, чтобы отклонить зло, которым они угрожают, затем ли, чтобы направить их против врагов истинно верующего. «Потому что нечистые духи устремляются к кровавым жертвам и являются, чтобы насладиться паром мяса, которое сжигается на алтарях. Страшные слова и действия сопровождают все подобные жертвы» (Cumont). В Греции и Риме, в противовес божествам Олимпа, впрочем, тоже не всегда благодетельным, возник целый народ злых гениев и вредных чудовищ, – тут и Тифон, и Медуза, и Герион, и Питон, лукавые демоны всякого рода, лемуры и ларвы. Точно так же обнаруживается дуализм в мифологии германской, славянской и, вообще – во всех и каждой.

Ни в одной из религий древних и новых не достигал дуализм формы более полной и ярко выраженной, чем в маздеизме, – то есть в религии древних персов, как излагает ее Зенд-Авеста. Но замечается он во всех, и, равным образом, во всех религиях возможно, по крайней мере, отчасти, обличить его связь с великими явлениями природы, с чередованием дня и ночи, со сменой времен года. Различные представления, образы фантазии, события, в которых дуализм находит форму и выражение, отражают не только характер и культуру народа, дающего ему место в системе своих верований, но также и климат, природные условия почвы, ход истории. Обитатель жаркой страны видит действие злого духа в ветре, дующим из пустыни, раскаляющем воздух и убивающем хлеба, тогда как обитатель северной полосы узнает беса в холоде, который замораживает жизнь вокруг него, и самому ему угрожает смертью. В местностях, где почва колеблется частыми землетрясениями, где вулканы изрыгают пепел и опустошительную лаву, человек легко воображает себе подземных демонов, злобных гигантов, погребенных под горами, отдушинами в ад; там же, где атмосфера часто волнуется бурями, он воображает, будто это демоны носятся по воздуху и воют на ветер. Народ, побежденный неприятелем, подвергшийся нашествию и порабощению, не упустит случая перенести на злого духа или на злых духов, в которых он верит, наиболее ненавистные черты народа-угнетателя. Так, например, на заре средних веков объявлены были детьми дьявола гунны. Так-то религия оказывается результатом сложного взаимодействия причин, которые, конечно, не всегда поддаются точному исследованию и определенному указанию. У греков, как и у римлян, не было

¹ В образе великого змея Апеппи или, правильнее Апапа, египетская мифология олицетворяла тьму, мрак, против которых солнце в образе Ра или Гора должно бороться и победить его, прежде чем взойти на востоке. Ежедневная небесная битва против гиганта Апапа и его поражение являются постоянным сюжетом изображений на могилах и саркофагах восемнадцатой и следующих за ней династий. 29 глава Книги Мертвых посвящена этому бою, временем для которого полагается седьмой час ночи, когда змее Апап получает смертельную рану. Этот змей является также символом засухи и бесплодия. Роль, которую играл он в египетском культе, должна была быть очень большой и сложной, судя по тому, что на одной деревянной стене флорентийского музея указывается, будто бы за семь столетий до Рождества Христова было известно 70 книг, написанных о змее Апапа. По большей части змей Апап изображается умирающим от вонзенных в него многочисленных кинжалов, либо окованным тяжкими цепями, либо угрожаемым от разных могущественных божеств светлого порядка от Тума, олицетворяющего собой ночное солнце, то есть солнце зашедшее, предполагаемое живущим за горизонтом (Lanzzone).

Сатаны в нынешнем значении слова. Как будто странным кажется, что народы, обожествившие множество отвлеченных понятий, напр. юность, согласие, целомудрие, позабыли выдумать настоящее божество и величество зла, хотя сочинили богиню Лихорадку и других в том же роде. Однако и в греко-римской религии нет недостатка в силах антагонистического характера и образах, имеющих вид как бы раздвоенный, и, если мы несколько углубимся в характер, условия быта и историю обоих народов, то станет ясно, что у них дуализм и не мог принять размеров, значительно отличных от тех, которых он достиг. Между прочим, – примите во внимание хотя бы уж то обстоятельство, что ни в Греции, ни в Риме не было священных книг установленной морали, не было теократического кодекса в полном смысле слова. Все это пришло в эллино-римскую культуру поздно – лишь с восточными влияниями, с культом Митры, с дуализмом, христианством, когда по выражению римского поэта, сирийский Оронт начал впадать в Тибр. И, вместе с сирийским Оронтом, полилась в мир, концентрированный вокруг великого города на Тибре, определенная и побеждающая дуалистическая струя. «Несомненно, что дуализм, если понимать под этим именем противоположение между духом и материей, разумом и чувственностью, явился уже раньше в греческой философии и образует одну из законоположных стезей неопифагоризма и Филонова учения. Но существенно отличается от этого дуализма учение магов то обстоятельство, что в последнем злое начало обожествлено высшему божеству в качестве соперника, с утверждением, что обоим принадлежит чествование посредством культа. Эта система, нашедшая столь очевидно простое разрешение для проблемы существования зла, этого подводного камня теологического мышления, привлекла к себе образованные умы, равно как понравилась и массам, которые нашли в ней объяснения своим страданиям. Как раз в то самое время, когда в Риме распространяются мистерии персидского Митры, Плутарх излагает дуалистическую теорию весьма благосклонно и склоняется к тому, чтобы ее принять. И с этого самого времени мы начинаем встречать в литературе термин «противобогии» (*antitheoi*); он обозначает тех демонов, которые, находясь под командой мрачной силы, воюют против небесных духов, посланников или «ангелов» высшего божества. Это девасы Аримана против язатасов Ормузда. Одно замечательное место у Порфирия показывает, что уже первые неоплатоники включили персидскую демонологию в свою систему. Ниже высшего божества, которое бесплотно и невидимо, ниже легких планет живут бесчисленные демоны; многие из них имеют свои особенные имена, – это боги наций и государств, – остаток образует анонимную массу. Они распадаются на два полярно противоположные класса. Одни духи благодетельные, они посылают плодородие растениям и зверям, хорошую погоду природе, человеку – знание. Они служат посредниками между божествами и их служителями через то, что возносят хваления и молитвы на небо, а с неба приносят знамения и предсказания. Наоборот, другие суть злые духи: живут в пространствах, смежных с землей, и нет такого зла, которое они усомнились бы причинить. Деятельные насильники, коварные предатели, буйные и предусмотрительные вместе, они родоначальники всякого несчастья, постигающего землю: засух, голодов, бурь, землетрясений, – все это их дела! Они зажигают в сердце человека нечестивые страсти и запретные желания, они толкают людей к войнам и революциям. Вечные притворщики, они имеют склонность ко лжи и обману; они покровительствуют плутовствам и мистификациям волшебников и устремляются к кровавым жертвам, которые приносят маги им всем и, в особенности, их предводителю Ариману. Культ его до сих пор сохранился на востоке у йезидов или поклонников дьявола. И, когда Федор из Мопсуэтии в своем писании против магов говорит об Аримане, он называет его Сатаной. В самом деле, между этими двумя образами, на первый взгляд, замечается поразительное сходство. Оба они главы бесчисленного воинства демонов. Каждый из них дух заблуждения и лжи, мрака, искуситель и погубитель. Это – или двойники, либо одна и та же фигура» (*Cumont*).

Дуализм выливается в определенные формы и принимает специальный характер в религиях семитического происхождения: иудействе, христианстве, исламе. Зыбкий, многооб-

разный, всепроницающий призрак Сатаны, под теми или другими именами, скользит тенью в глубине всех религий, даже самых первобытных, но личность Сатаны, со всеми свойственными ему ныне качествами и атрибутами, создалась творчеством по преимуществу иудейской и христианской религий, в особенности же второй из них.

В моисеевском учении Сатана еще не занимает видного места. Это, по остроумному сравнению Артуро Графа, его отрочество или юность, далекие до совершеннолетия. В книге Бытия змей является, еще животным, – только мудрейшим и хитрейшим из животных: в дьявола обратило его позднейшее толкование. На протяжении всего Ветхого Завета Вельзевул упоминается только в качестве божества идолопоклонников. При этом надо заметить, что евреи пришли к идее единого всебожества поздно, и в течение довольно долгого времени, измеряемого сотнями лет, их однобожие сводилось просто к предпочтению своего национального бога, синайского громовника Ягве, богам других наций, которых существования они, однако, не думали отрицать, а только почитали их менее могущественными и святыми. Синайский договор Ягве с народом израильским ревниво отстраняет его от этих богов, которые, однако, частенько врываются в его культуру даже в весьма поздние ее периоды. И были боги, существование и известную силу которых должна была признать даже ревность Ягве.

Евреи слишком долго жили кочевниками в жгучих пустынях, чтобы не вынести из них мифа о царящем в них злом духе Азазеле, – быть может, отголоске египетского Сэта, которому подчиненным египтяне считали Синайский полуостров. Пресловутый обычай выгонять в пустыню, в жертву этому Азазелю, «козла искупления», нагруженного грехами Израиля, общеизвестен. Он держался в иудаизме едва ли не до падения иудейской государственной самостоятельности и, умирая, соприкоснулся с христианским символом-антитезой агнца, принявшего на себя грехи мира.²

По общепринятому ранее мнению, свою демонологию, т. е. идею, теорию и феномены дьявола, евреи вынесли из плена Вавилонского, воспитав ее в соприкосновениях с маздеизмом. В настоящее время, когда доказаны вавилонские источники и первовлияния, давшие основу праву и мифу Пятикнижия Моисеева, было бы слишком смело считать еврейского дьявола столь молодым. Однако нельзя не заметить, что понятие и образ злого духа, отличного от добрых, определяется в библейском мифотворчестве не ранее пленения. В Книге Иова Сатана еще является среди ангелов неба и отнюдь не рекомендуется заклятым противником бога и разрушителем его создания. Это только дух-скептик, дух-маловер, будущий Мефистофель, близость которого к человеческому сомнению и протесту против фатума прельстит впоследствии так многих поэтов и философов. Власть его – еще по доверенности от божества и, следовательно, одного с ним характера: она только служебность, истекающая из высшей воли. В бедствиях Иова он не более как орудие. Ответственность за необходимость непостижимых и внезапных страданий праведника божество, собственными устами, принимает на себя в знаменитой главе, которая даже нашего резонера Ломоносова сделала поэтом. Дьявол Книги Иова – скептик, дурно думающий о человеке и завидующий ему перед лицом высшей Святости, но, в конце концов, он только слуга по такого рода комиссиям, к которым Высшая Святость не может, так сказать, непосредственно прикоснуться, ибо это унизило бы идею ее совершенства. Это фактотум неба по злым делам. Еще выразительнее выступает роль такого фактотума в знаменитом эпизоде Книги Царств о духе, принявшем от бога поручение обманом своим погубить царя Ахава. Этот дух даже не носит еще клички злого, темного, дьявола и т. п. Он – ангел как все, как тот страшный ангел, который в одну ночь совершает необходимые бесчеловечные бойни: избиение первенцев египетских, истребление Сеннахеримовых полчищ и пр.

Но мало-помалу Сатана определяется и совершенствуется.

² Книга «Bereschitt rabban» считает этого Азазеля худшим из ангелов, пленившихся земными женщинами и чрез то сделавшихся демонами. Он научил женщин украшать себя драгоценными камнями, румяниться и белиться (Ленорман).

У Захария он уже враг и обвинитель избранного народа, желающий лишить его божественного благоволения. В Книге Премудрости Соломоновой Сатана – разрушитель и развратитель божественного миростроительства, тот, кто из зависти подстрекнул прародителей к греху и из зависти же ввел в мир смерть. Он – яд, портящий и позорящий творение божье.

В апокрифической Книге Еноха, в особенности же в ее древнейшей части, впервые звучит идея близости дьявола с человеком, и вина его изображается как отступничество от божества в сторону человечества, измены небу для земли. Дьяволы Еноха – ангелы, павшие через любовь к дочерям человеческим и позволившие оковать себя путами материи и чувственности. Этот миф, как замечает Артуро Граф, носит в себе глубокую идею – отсутствие в природе существ, по самому происхождению злобно-демонических; такие существа, т. е. мысли и действия в образах, – плоды человеческой эволюции. Действительно, в другой, позднейшей части того же апокрифа демоны оказываются гигантами, рожденными от женщин земли в союзе с ангелами, изменившими небу.

Таким образом, хотя Сатана и прокрался в книги Ветхого Завета и раввиническое предание не мало сделало для его эволюции, однако монотеистическая тенденция, основная в расовом характере еврейства, и настолько могущественная, что объединила в нем идею нации с идеей религии, не дала Сатане ни достаточно материала, ни достаточно логического (вернее, алогического) простора, чтобы вырасти ему в образ соперника божия. Идея Ягве слишком ревнива, чтобы допустить такую под-идею, как Сатана: самостоятельно обособленное зло, достаточно могущественное, чтобы противостоять, – хотя бы и с постоянными поражениями, – зиждителю и вседержателю мира. Ягве – единое самостоятельное божество мира, объемлющее собой без разделения все добро и зло. Он сразу и белый бог, и черный, и мы знаем из Библии, что во втором своем качестве он ужасен, этот, по выражению поэта-еврея, «бог топчущий, как глину, своих врагов». Он ревнив, свиреп, неумолим и часто несправедлив, что неоднократно доказывали ему талмудические мудрецы, выигрывая против него этические процессы. Кары его редко пропорциональны размерам совершенных преступлений и почти всегда несут месть чудовищную, слепую, бестолковую, поражая без разбора виновных и невинных людей и животных, взрослых и детей. Этот бог опутал свой народ мелкой сетью таких подробных предписаний, что вся жизнь еврейства обратилась в непрестанный страх оступиться в грех и погубить тем не только себя, но, по круговой поруке, и семью свою, и потомство, и колена, иногда весь народ. Люди, не желающие жить в религии страха, ему ненавистны: это – язычники, с ними Израиль должен беспощадно воевать, истребляя мечом население непокоренных городов. Двойственный характер Ягве выражен устами Исаии: «От меня и свет и тьма, и мир, и злоба: я Владыка, творящий все это». Таким образом, будущий Сатана еще заключен в самом Ягве, как злая часть его характера, вредная сторона его власти. Те духи зла, которых знает Ветхий Завет, – повторяем, – не более как его слуги, чиновники по особым дурным поручениям, род небесных биров, жандармов и палачей. Собственно говоря, иудаизм в этом своем фазисе предпринимает ту же операцию – извлечь из божества, объемлющего в существе своем и добро, и зло, отдельное и специальное злое божество, враждебно настроенное к доброму началу, – какую египетская религия провела много раньше изобретением злого бога Сэа (Seth). Египетский Сэт или Сутэкс, свирепое божество, известное грекам под именем Тифона, не всегда был злым разрушителем. Культ Сэа чрезвычайно древен; он поднимается до пятой династии, – по крайней мере, уже в ее эпоху был в Мемфисе храм, посвященный Сэту. В наиболее цветущий период империи фараонов это божество было в величайшем почете, настолько, что государи вставляли в свой титул прозвища «любимца Сэа» или «любимца Сутэкса»... В это время Сэт пользовался теми же почестями, которые воздавались другим божествам светлой и доброй категории, в особенности в эпоху восемнадцатой и девятнадцатой династии, когда культ его достиг величайшего развития. В это время он становится едва ли не верховным божеством. В поэме Пентаура фараон Рамзес II уподобляется богу Сэту в виде величайшей похвалы.

На барельефах изображаются цари, получающие от Сэта символы силы, жизни и мудрости, в том же самом порядке, как получали они такие же дары от Гора и других солнечных божеств. Сверх того Сэт изображается научающим их стрельбе из лука. Центром его культа был в это время город Омбос, от которого он получил имя Нубти. По всей вероятности, он в это время был главным солнечным богом Южного Египта. Но вот в эпоху двадцать второй или двадцать пятой династии произошла резкая религиозная революция, которой Сэт был свергнут, изгнан из общества богов, его изображения подвергались изуродованию, надписи в честь его были истреблены. И, таким образом, божество доброе, господь неба и земли, как имели обыкновение называть Сэта ранее, становится теперь божеством беспримерно злобным, олицетворением всего порочного и извращенного в мире нравственном и всего вредного в природе, – одним словом, полной противоположности добра и врагом света. Ненависть против Сэта доходит до того, что из списков населенных местностей вычеркиваются города, ему посвященные, как тифонические, то есть предполагаемые несчастными и приносящими несчастье.

В солнечном мифе Сэт теперь рассматривается не только как злейший и неумолимый враг своего брата Озириса, его убийца и похититель его престола, но также как злая сила в системе двух противоположных мировых начал, так что в этом порядке всякое благо приписывается кроткому и светлому Озирису и всякий вред ставится на счет свирепого и темного Сэта. Вместо прежних лестных эпитетов Сэт теперь обзывается в заклинаниях «аспидом, вредным пресмыкающимся, которого яд сожигает, разбойником, приходящим для того, чтобы украсть свет божества» и т. д. Красный цвет, посвященный Сэту, потому что в одном из превращений своих он принимал вид красного гиппопотама, объявляется проклятым и в знак войны со злым божеством египетские жрецы закалывают на жертвенниках своих богов животных красной шерсти, словно пленников из враждебной, побежденной армии. Развивается миф о мести Гора за отца своего Озириса и победе его над Сэтом. Страною Сэта объявляется жгучая пустыня – так называемый «Красный» пояс, обнимающий собой гористую часть восточного Египта до берегов Красного моря и, в особенности, часть пустыни, расположенная к югу нижнего Египта, включая сюда и Синайский полуостров. Здесь вотчина и территория Сэта, и, в силу этого, местности эти почитаются несчастными и отверженными. Таким образом, не перестав быть солнечным богом, Сэт, возможно думать, стал представлять собой, так сказать, отрицательное солнце: сосредоточил в себе злые и губительные стороны беспощадного африканского зноя, которые логика новой развивающейся морали не позволяла более приписывать абсолютному солнцу-доброту, Озирису и Гору (Lanzzone).

Ведь в выжженных странах древней Африки, по словам доктора Беккера, «восхода солнца всегда боятся... И на солнце смотрят как на всеобщего врага». Слова эти напоминают древние Геродотовские описания атлантов или атарантов, которые живут во внутренней Африке и проклинали солнце при его восходе, понося его позорной бранью за то, что оно посылает на них и на их страну свой жгучий зной. В настоящее время подобные атланты или атаранты развелись и у нас в России. Г. Ф. Сологуб в романах и стихах своих ведет яростную войну с Солнцем, как злым, враждебным человечеству, богом, Змеем, именно как египтянин сражался бы с Сэтом или его преемником Сатаной. По всей вероятности, отголоски древнего представления о Сэте надо видеть в отношении кочующих цыган к их демоническому божеству, носящему имя Девель (дьявол). Это – великий бог неба (Dewa, Deus). Но он скорее внушает страх, чем любовь, этим вечно живущим на воздухе, гонимым людьми, так как он своим громом и молнией, снегом и дождем затрудняет их странствия, а ночные светила его мешают их темным деяниям. Поэтому они жестоко клянут его, если их постигает какое-нибудь несчастье, а в случае смерти ребенка говорят, что Девель съел его (Тэйлор).

Потребность очистить идею божества от злого элемента растет в еврействе вместе с культурой и приводит иудаизм на ступень христианства, в котором бог безусловно благ, а зло в мире является отрицательной силой, выделившеюся из его компетенции на положение бун-

тующего могущественного вассала. Является идея Сатаны как черного под-бога, анти-бога, захватившего во власть свою чувственный мир и испортившего его настолько глубоко, что для спасения человечества становится необходимой со стороны самого всемогущего бога великая жертва: сын божий должен предать себя в добычу той самой смерти, которую хитрость Сатаны ввела в мир. Громадный период человеческой истории проходит в христианских понятиях, под такую безусловную и невозмутимую власть Сатаны, что от нее не могут избавить человека ни вера в бога, ни добродетельная жизнь: все ветхозаветные святители очутились, по смерти, в аду, вместе с лютейшими грешниками. Словом, с лишком пять тысяч лет церковного счета Сатане было не о чем беспокоиться: тяжелые дни наступили для этого вассала, привыкшего быть королем, только с приближением Искупителя. И идея Сатаны к моменту этому была уже настолько могущественна в иудейском мире, что евангелие выводит Сатану дерзнувшим на, – казалось бы, по существу своему бессмысленную, – попытку искусить самого Искупителя, а апостол христов изображает дьявола львом рыкающим, ищущим кого поглотить.

Акт искупления свершился, но мир его не ощутил или ощутил столь частично, что за Сатаной, потерявшим из ада великое множество спасенных христом мертвых, остались неисчислимы миллионы живых в настоящем и будущем, причем последнее оставлено бессрочным. Угроза страшного суда над человечеством, в котором будет низвергнут князь мира сего, обещает только внезапность расправы этой, которой прекратится и время. Но историческое течение веков после Искупления не явило себя в человеческих глазах практически различным от течения веков до Искупления. Последнее, таким образом, принимает в воображении верующих вид как бы счастливого перерыва между двумя долгими пытками. «христос разбил врата адовы, проник в царство мрака, вывел населявших бездну; но вслед затем врата снова укрепляются, мрак стущается, и бездна вновь заселяется». И никогда на земле не было столько речи о Сатане и не боялись его столько, как – в искупленном христианском человечестве, после победы христа над вечным врагом. Напрасно ап. Павел уверял свою паству, что победа это совершенная и окончательная, и что царь смерти уничтожен смертью христа. Зрелище настоящего было против него, и христиане, веря в решительность победы христа над Сатаной, предпочитали, однако, относить ее, вслед за Апокалипсисом Иоанна, на конец мира. В текущей же жизни, среди разлагающейся языческой культуры, они и чувствовали Сатану и трепетали перед ним более чем когда-либо. Отпечаток извечного зла, зримый каждому хоть скольконибудь философскому уму, не мог быть стерт одним прикосновением религиозной доктрины. На Сатану было взвалено так много ответственности, что убрать из мира столь деятельную и творческую силу оказалось весьма нелегко: она густо обволокла землю своими следами, и «нежный душистый цветок учения христового едва пробивался сквозь эти слои» (А. Граф). Не творением ли Сатаны был пестрый политеизм, который очаровывал и соблазнял души? Юпитер, Минерва, Марс и все боги Олимпа, не были ли его воплощением или, по крайней мере, служителями его воли, исполнителями его планов? Жизнерадостная роскошная культура язычества, процветание искусств, отважная философия, власть богатства и честолюбия, идеалы любви и праздности, беспредельный разврат, не его ли все это обманы, не способы ли и орудия его владычества? Римская империя – не царство ли Сатаны? О, конечно. Это – Сатану обожают в храмах, это его славословят на публичных празднествах, это – Сатана сидит на троне цезарей и триумфатором восходит на Капитолий.

Так-то значение Сатаны росло для христианского воображения в зрелище языческого мира, окружавшего горсть христиан своим красивым величием. Во всяком проявлении практической жизни, вокруг шумевшей, христианин видел отражение вечного врага христового, который, после своего поражения, как будто еще больше обозлился, осмелел и усилился, Ядовитее гидры и многообразней Протея ползет он из каждой щели житейской, наполняя ужасом и унынием христианские души. Тертуллиан и другие советуют и внушают прекратить всякое общение с язычниками, отказаться от их игр и празднеств, от профессий, так или иначе сопря-

касающихся с идольским культом. Ну, а тогда – жить-то как же? И, если даже умудришься, как быть уверенным на этой земле и в этом воздухе, пропитанных нечестьем и грехом, что сохранишь чистыми мысль свою и сердце?

Но Сатане мало соблазнов и козней, так сказать, оборонительных. Он переходит в наступление, со всех сторон осаждает вновь основанную церковь, день и ночь таранит он ее стены и успешно пробивает их, то стараясь утопить христову веру в крови воздвигаемых гонений, то увлекая бесчисленное множество агнцев паствы христовой в пагубные ереси. Наглядность столь очевидно царящего зла все более и более смущает веру в победу христову как факт, уже бывший, и обостряет надежды на второе пришествие, которого ждут скоро, скоро, и вдохновенные ясновидцы, вроде автора «Апокалипсиса» Иоаннова, упования эти подогревают своими обещаниями.

Но второе пришествие не спешит, и извечное зло стоит, как было, и даже растет. Тогда, под давлением этой бесспорной осязательности, в христианстве начинается реакция в сторону дуализма. Церковь выделяет множество еретических сект, из которых многие проповедуют дуалистическое христианство, мало чем отличающееся от персидского язычества. В теориях гностиков Сатана вырастает значением, понимаемый уже не как порочный и падший узурпатор, подхвативший отпавшие от божества средства и свойства зла, но как создатель вещественного мира, как самостоятельное и независимое злое начало, современное добру и находящееся с ним в борьбе. Это возвеличение Сатаны не остается без влияния на теорию искупления. Климент Александрийский (ум. 217) и Ориген (ум. 253) еще утверждали, что вся тварь, не только люди, но и сам дьявол, рано или поздно возвратятся к богу, а бл. Августин (354–430) уже полагает, что бог спасет лишь немногих избранных, большая же часть рода человеческого достанется в добычу дьяволу.

В столкновении противоположных доктрин и влияний, в взаимообмене философских мирозерцаний, в особенности в соприкосновениях неоплатонизма с каббалой, в блестящей фантастике ересей и борений их с еще колеблющимся ортодоксальным догматом, в наплывах из чудовищного языческого синкретизма последних лет римского язычества сложилась почти не поддающаяся определению смесь нелепых верований и безумных культов, из хаоса которых, конечно, не один элемент вошел в состав все растущего образа Сатаны. И, когда, наконец, церковь, восторжествовав и над язычеством, и над собственными внутренними бурями, вознесла над миром и властно утвердила свой догмат, то – одинаково был готов уже и новый христианский Сатана, с новой, паче прежнего страшной, властью.

Христиане считали языческий мир созданием Сатаны. Историк скажет: напротив, Сатану воображение христиан создало по языческому миру. Без нравов Римской империи Сатана был бы очень отличен от того, каким он явился в средние века. Весь разврат, все гнусное и дьявольское, чем облепилось в упадке своем величие языческой культуры, объединяется и сгущается в идее Сатаны; он делается естественной приманкой для всего бесконечного разнообразия слов, дел, помышлений, обычаев, всего ведения и неведения, которые христианская совесть классифицирует под именем «греха». Боги, потеряв свои храмы и алтари, не умерли, не исчезли, но превратились в бесов, причем некоторые из них потеряли свою красоту, но дурные свои качества не только сохранили, но даже – в преувеличенных размерах. Юпитер, Юнона, Диана, Аполлон, Меркурий, Нептун, Вулкан, Цербер, фавны и сатиры, пережив свои культы, переселились в христианский ад и окружились тучей страшных легенд, помрачивших светлые легенды их в едва узнаваемые искажения. Известно, что христианская церковь не решилась сделать то, что в известное время своей религиозной истории сделали евреи: резко и категорично отвергнуть существование языческих богов. Христианская церковь не отрицала существования божеств – пусть языческих, но все-таки божеств, – а только настаивала на их ложности и злобности. Такое рассуждение обратило их в демонов. Это самый излюбленный пункт апологетов и отцов первобытной церкви, на котором они настаивают с особенно пылким

жаром. Отзвуки и отблески языческого мифа находятся во многих описаниях христианского ада, начиная от первых веков церкви вплоть до времен, когда все эти представления объединил своим поэтическим синтезом Данте. Тартар, Аверн, Флегетон и другие адские реки, Стигийское болото, Харон, Цербер упоминаются беспрестанно. Ад, описанный в Романах Розы, считает в числе своих обитателей Иксиона, Тантала, Сизифа, Данаид, Тиция; Алан Великий (Alanus de Instills) называет хозяевами адских рек классических фурий. Что касается самого Данте, он смешал языческий миф вместе с новыми поверьями христианства и произвел этим как бы путаницу двух враждебных элементов, за которую его неоднократно упрекали. С одной стороны, у него Сатана, Вельзевул, Люцифер; с другой – Харон, Минос, Цербер, Медуза, Минотавр и проч. В этой смеси хотели видеть влияние на Данте первых лучей гуманизма. Артуро Граф в своей статье о «Дантовской демонологии» хорошо показал, что это зависело совсем не от новой литературной моды, а, напротив, от накопления народных преданий и легенд, сохранившихся в течение тысячелетий память старых божеств почти не поколебленной и не поблекшей, хотя и с изменениями цветов белых в черное. Так что, может быть, именно тут-то Данте и явил себя верным собирательным фокусом народной фантастики. Боги померкли, но не померли, они здесь и готовы захватить в старую власть свою каждого неосторожного, кто небрежен к новой религии искупления. Диана бродит полуденным бесом (*meridiana*), а в глубокую полночь мчится в воздушном полете под звездным небом, сопровождаемая ватагами ведьм, которым она передала свою волшебную науку. Венера, богиня любовной страсти, сохранив и в чертовках всю свою прелесть и очарование, по-прежнему распаляет людей неугасимой влюбленностью, отнимает новобрачных мужей у жен, увлекает в подземный чертог средневекового Адониса – рыцаря Тангейзера, что так прекрасно рассказано Гейнрихом Гейне и еще в тысячу раз прекраснее музыкой Рихарда Вагнера. Даже на папском престоле увидим мы новых язычников, знающих, что старые боги живы в новом дьявольском виде. Папа Иоанн XXII провозглашает тосты за здоровье дьявола и он же, играя в кости, призывает в помощь Юпитера, Венеру и *других демонов*. Средневековый Сатана не покинул старых античных масок фавна, сатира, является сиреной или гарпией и т. п.

К эпохе торжества церкви слагается и подробная биография Сатаны. Ее написали те же отцы, которым церковь обязана своим торжеством. Сатана был создан добрым, но сделался злым; пал по собственному греху, увлекая за собой бесчисленное множество своих последователей. Позднее утверждали, что за бунт этот десятая часть небесного воинства (совсем как при подобных же обстоятельствах в римской армии) была низвергнута на землю и поглощена бездной. Еще позже легенда об ангелах, сохранивших нейтралитет, стоя ни за бога, ни за Сатану, в ожидании победы того или другого. Острова, заселенные такими ловкими двуручниками, видел в своих, полных приключений паломничествах св. Брандан, поэма о которых относится к XI веку. Фольфрам фон Эшенбах (ум. около 1220) заставил их в своем «Парсифале» быть первыми хранителями св. Грааля. Данте поместил их в преддверии ада с презренными трусами, в которых никогда не говорило живое сердце (*che mai non fur vivi*). Это всецело средневековое изобретение. В Библии о таких нейтральных ангелах нет ни единого слова.

Эволюцию Сатаны берут в свои руки аскеты. Бежать от мира, они думали уйти и от дьявола, но в пустыне встретили его еще более сильным и могучим, и история их святости становится в то же время историей хитростей, насилий, жестоких обманов и распутных бесчинств дьявола, до той поры и неведомых. И эта вторая история весьма часто подавляет своей греховодностью нравоучительную силу первой настолько, что в позднейших веках церковь, во имя нравственности, вынуждена была или, вовсе упразднить, или смягчить новой редакцией многие жития святых, оказавшиеся более к соблазну верующих, нежели к наставлению. Таковую чистку «Пролога» произвел в России, как известно, св. Димитрий Ростовский (в конце XVII века).

В расшатанный античный мир врывается буря великого переселения народов. С туманного севера вторгаются варвары. Римская империя рушится. Ненавистная языческая культура угасает, а заря новой преемственной культуры еще не занялась. Над обломками язычества воцаряется мрак безнадежного варварства. Многим кажется, что пришел конец на земле царению человеческому, наступает царение диких зверей. Неизреченные бедствия, красноречиво рассказанные пламенным Сальвианом, заставляли усомниться в Провидении. Зрелища новых зол, бесчисленных, неизмеримых, вполне последовательно, придали новые рельефы и краски образу того, кто есть начало и виновник всякого зла. Сатана воспринимает в себя не только злодеяния варваров, но и многие их верования, притягивая к себе все то, – а этого было не мало, – что было в их религии соответственного и сродного его существу. Если в греко-римском мире этот персо-иудей эллинизировался и романизировался, то общение с северными варварами его германизировало. Множество образцов германской мифологии, – бог Локи, волк Фенрир, эльфы, сильфы, гномы, – присасываются к образу Сатаны и придают ему новые формы, характер и поступки. Так строится и формируется Сатана то в быстром, то в медленном нарастании последовательных международных наслоений и просачиваний, в непрерывно изменяющихся фазисах сложной и долгой эволюции. Простая стихийная сила в первом начале своем, он приобретает мало-помалу сложнейший моральный характер, анализируя историческую сущность которого, приходишь в изумление от громадности, разнообразия и многочисленности составляющих его элементов. Не только силы природы и боги различных мифологий, но даже и люди входят в состав Сатаны. Еще индусское поверье утверждает, что демоны – существа, развившиеся из душ людей, которые умерли преждевременно, или смертью насильственной, были при жизни уродами, идиотами, сумасшедшими, страдали припадками, либо необычайной хилостью, или же были пьяницами, распутниками, и, наконец, людьми нечестными. «Поэтому, – говорит Walhouse, – смерть какого-нибудь хорошо всем известного злого человека является всегда источником ужаса для всех его соседей: ведь он, конечно, должен превратиться в «Буту» (Bhuta), – демона, столь же сильного и злобного, каким был при жизни. Некоторые из более ужасных, в настоящее время Бут, в старые годы были известными лицами. Вот выразительный пример, насколько сильно эта идея владеет народным умом. Один ченганурский Наир (a Nair of Chenganoor) за два дня до рождественских праздников 1875 г. убил свою любовницу, которую подозревал в неверности. Когда преступник был схвачен и предстал перед судом, он, признавая себя виновным, настоятельно просил, нельзя ли положенную законом казнь, которую он принимал как вполне им заслуженную, совершить над ним не там, где она обыкновенно производилась, а на месте, где им совершено было преступление. В таком случае, – объяснял он, – он мог бы облечься в форму и зажить жизнью демона и получил бы, таким образом, полную возможность лично отомстить человеку, который сбил его несчастную жертву с истинного пути, а также и всем его сообщникам в этом деле». В Канаре, – местности Индостана, к которой относятся наблюдения Walhouse'a, – существует около тридцати местных Бут; во власти их находятся храмы и алтари в различных частях провинции. Наиболее страшный и злой среди них – Калькатти (Kalkatti), или Каменотес, считающийся духом Якканачари (Jaokanachari), знаменитого каменщика и архитектора, который около, четырех или пяти столетий тому назад построил большую часть великолепных Канарских храмов. Вокруг него собрано много легенд, но он несомненно жил и, должно быть, был мастером удивительного таланта. Предание гласит, что он и жена поссорились с сыном своим из-за одного строившегося в то время храма и совместно убили его, после чего оба превратились в столь злых и ужасных Бут, что, «если можно по каким-либо данным предполагать об их близости, никто тогда не осмеливается даже произносить какое-либо заклинание». У патагонцев и туранских племен Северной Азии демонами становятся по смерти их колдуны, в Китае – нищие и прокаженные, в Индокитае и Индии – оставленные без погребений, умершие от чумы и насильственной смерти, холостые мужчины и женщины, умершие в родах. Что касается самоубийц,

то это настолько верный способ сделаться демоном, что весьма обыкновенны самоубийства именно с этой целью: чтобы в качестве демона отомстить кому-нибудь из своих врагов. Именно этот смысл имеет японское «харакири», равно как и «сухая беда» наших чувашей. В средневековых поэмах и легенд Пилат, Нерон, Магомет обращаются к дьяволам. Еще недавно Генрих Ибсен насмешливо воскресил это поверье – о возможности лютному грешнику стать чертом – в бесподобном своем «Пер Гюнте».

Средние века – эпоха зрелости Сатаны. Вместе с готической стрелкой, папским авторитетом, схоластикой, аскетизмом, феодальным духом растет в христианстве и его угрюмый и причудливый миф. Когда они приходят в упадок, склоняется к упадку и он. Сатана сын печали, тайны, тени греха, страдания и ужаса и, конечно, дозреть в могущественную величину мог он только в религии ужаса, которою хотел быть и был католицизм XIII века, отрицатель жизнерадостности, прямого взгляда на вещи, света, веселости и наслаждения; враг природы, потому что она полна чудес и чудовищ, потому что в ней телесный мир непримиримо противится воле мира духовного; враг жизни, потому что она полна поводами к греху и опасности погубить душу; трусливый раб смерти, открывающий врата в спорную бездну вечности. Мечты и бреды смущают умы. Отшельник, проведя многие часы в молитве, на коленях выходит, еще в экстазе, из кельи и видит: в воздухе несутся ужасные полчища дьяволов в образе апокалипсических чудовищ. Они освещаются пламенными знаменами небесными, светила меняют свой вид и обливаются кровью, – печальные предвестия грядущих бедствий. Во время эпидемий, косивших людей, как траву, видят в воздухе стрелы и дротики, бросаемые незримыми руками, со свистом поражающие жертву и затем исчезающие³. И то и дело проходит по перепуганному миру грозное предчувствие близкого конца света, проносятся слухи, что Антихрист уже родился, и не сегодня-завтра наступит страшная катастрофа, предсказанная в Апокалипсисе.

Сатана растет в унылой тени огромных соборов, за массивными колоннами, за решетками хора; растет в тиши монастырей, оцепенелых в созерцании смерти; в зубчатом замке, где тайные угрызения совести гложут душу сурового барона, в тайной лаборатории, где алхимик делает опыты превращения металлов, в глухом лесу, где колдун творит свои волшебные заклинания, на ниве, в которую измученный раб сеет хлеб на барщине беспощадного господина. Сатана, в условиях этого века, становится всемогущим и вездесущим. Множества людей постоянно видит его, беседует с ним, вступает в переговоры и договоры.

И тут опять церковь помогла внедрению мифа в народ, направив свою запугивающую политику к тому, чтобы то, чего люди не хотели сделать из любви к богу или духу послушания, они делали бы хоть из страха к дьяволу. Католицизм обратил Сатану в своеобразную систему народного воспитания «от обратного» если не с нами, то, значит, с Сатаной, а что такое Сатана, – вот, любуйся. Сатану пишут и ваяют во всевозможных ужасных видах. Пугалом Сатаны страшат каждую фразу в устах проповедника, каждое увещание в устах духовника. Сатана стал героем бесчисленных дидактических легенд и притч, отвечающих решительно на каждый случай, на каждую мысль житейского обихода. Даже в общей политике средних веков дьявол играет очень важную роль. Что же касается политики чисто церковной, то в ее-то области, конечно, он сослужил гораздо большую службу, чем инквизиция и костры, которыми его впоследствии изгоняли. Уже в 811 г. Карл Великий, в одном из своих капитуляриев, обвинил священнослужителей, что они злонамеренно запугивают прихожан дьяволом и адом, с целью выжимать этим обманом деньги и захватывать имущество суеверных простаков.

³ Это поверье нашло себе замечательно точное, подробное и яркое выражение в нашей Несторовой летописи, под 1092 годом, по Лаврентьевскому списку: «Предивно бысть Полотъске: в мечте мы бываше, в нощи тутъян станяше по улици, яко человеци ришюще беси; аще кто вылезаше из хоромыни, хотя видети, абье уязвлен будуаше, невидимо от бесов язвою, и с того умираху, и не смяху излазити из хором. Посем же начаша в дне являтися на коних, и небе их видети самех, но коль их видети копыта, и тако узевляху люди полотъскыя и его область; тем и человеци глаголаху: яко навье (мертвецы) быют полочаны».

Насколько велик был страх перед Сатаной, настолько же велика была и ненависть к нему, как к источнику всякого зла и противнику всякого блага. Чем более был любим христос, тем более должен был ненавистен быть его заклятый враг. Но и в этом случае страх и ненависть породили свои обычные результаты, доведя суждение о Сатане и образы его до таких крайностей отвратительного, что чувство меры воспротивилось им даже в народных недрах, создавших известную насмешливую пословицу: «Не так страшен черт, как его малюют».

Глава вторая

Физиология дьявола

Только с величайшим трудом удастся человеку, если вообще удастся, составить себе понятие о какой-либо бесплотной субстанции, существенно противоположной тем, которые доступны нашему чувственному восприятию. Обыкновенно, бесплотность понимается как наименьшая плотность: такое разрежение вещества, что последнее становится подобным воздуху или огню, либо даже и их тоньше. В первом представлении, разделяемом едва ли не всеми народами земли, душа есть дыхание или легкий пар, который может быть видим под внешностью тени. Боги всех мифологий – более или менее, но всегда – телесны. Греческие боги питаются амброзией и нектаром и имеют тело, физиологически чувствительное как к удовольствию, так и к страданию. Когда они вмешиваются в битвы смертных, то не только сами наносят, но также и получают болезненные, заставляющие их плакать и выть, ушибы и раны. Общеизвестны эпизоды «Илиады», как Диомед, сын Тидея, ранил в битве сперва Афродиту, спасавшую своего сына Энея, а потом самого Ареса, бога войны:

Тот же Киприду преследовал медью жестокой,
Знав, что она не от мощных богинь, не от оных бессмертных,
Кои присутствуют в бранях и битвы мужей устроят,
Так как Афина, или как громящая грады Энио,
И едва лишь догнал, сквозь густые толпы пролетая,
Прямо уставив копье, Диомед, воеватель бесстрашный,
Острую медь устремил и у кисти ранил ей руку
Нежную: быстро копье сквозь покров благовонный, богине
Тканый самими Харитами, кожу пронзило на длани
Возле перстов; заструилась бессмертная кровь Афродиты,
Влага, как струится у жителей неба счастливых,
Ибо ни брашна не едят, ни от гроздий вина не вкушают;
Тем и бескровны они, и бессмертными их нарицают.
...И тогда на Ареса напал Диомед нестрашимый
С медным копьем; и, усилив его, устремил Паллада
В нижнее чрево, где бог опоясывал медную повязь;
Там Диомед поразил и, бессмертную плоть растерзавши,
Вырвал обратно копье и взревел Арей меднобронный
Страшно, как будто бы девять, иль десять воскликнули тысяч
Сильных мужей на войне, начинающих ярую битву.
Дрогнули все, и дружины Троян и дружины Ахейн
С ужаса: так заревел Арей, ненасытный войною.
Сколько черна и угрюма от облаков кажется мрачность
Если неистово дышущий, знойный воздвигается ветер,
Взору Тидита таков показался, кровью покрытый,
Медный Арей, с облаками идущий к пространному небу.
Быстро бессмертный вознесся к жилищу бессмертных, Олимпу.
Там близ Кронида владыки воссел он, печальный и мрачный,
И, бессмертную кровь показуя, струимую раной,
Тяжко стонавший, к Зевсу вещал он крылатые речи.

Естественным результатом этих взглядов явилась пневматическая доктрина, приписывающая обладание некоторым телом, как ангелам, так и демонам. При этом некоторые добавляют, что тело демонов плотнее и тяжелее ангельского, став таким после падения с небес, в силу приспособления к земной атмосфере. Зато, сравнительно с телом человеческим, тело демона едва плотно. Однако, демон достаточно материален, чтобы иметь вес и тяжестью своей выдавливать следы на сыпучих веществах. Довольно распространен обычай сыпать золу на пол, чтобы видеть следы демонов (Тейдор). Способ древний – известный еще из легенды и Бэле и Дракона, где следы ног на золе, которою был посыпан пол, выдают плута-жреца, приходившего через потаенную дверь поесть яства, которые ставили перед изображением Бэла. В половине XIX века в одном из английских городов распространился рассказ о бесе, прогуливавшемся по стенам домов и потолкам и оставляющем на снегу отпечатки своих дьявольских, вывернутых назад ног (Тейлор).

Никто не зрел, как с нею мчался он (Сатана),
Лишь страшный след нашли на прахе...

(Соути-Жуковский)

Во втором веке Татиан считает плотность демонов равною воздуху (также Исидор Севильский в VII веке) или огню, а св. Василий Великий считает их еще тоньше и легче. Наоборот, Данте наградил Люцифера, мерзнувшего во льдах Коцита, телом настолько крепким и грубым, что поэт и вожатый его Вергилия взбираются по нему, как по скале.

Наличность тела обуславливает наличность физиологических потребностей и отправлений. Будучи телесными, демоны должны питаться, Ориген, Тертуллиан, Афинагор, Минуций Феликс, Фирмик Матерн, св. Иоанн Златоуст, утверждают, что любимая пища демонов – пар и дым приносимых язычниками жертв. Некоторые раввины добавляют к этому кровь, на которую дьявол бросается всюду, где только может ее достать. А немецкая пословица уверяет, что голодный черт и мух жрет. Чувство вкуса дьяволу, по-видимому, чуждо. В русских и немецких сказках его верно надувают, подсовывая ему вместо ореха пулю, вместо сыра – камень, и глупый черт всю эту дрянь добросовестно жует, только удивляется, что люди находят в ней хорошего. Индусские демоны Буты представляются народному воображению какими-то кишечными паразитами, живущими за счет человеческого тела. Получив возможность войти в человека, Бута помещается в нижней части брюха и питается там всеми нечистыми выделениями. В продолжении своего пребывания там он, расстраивая у человека пищеварение и обращение соков, является причиной всяких припадков, параличей, временных умопомешательств, взрывов бешенства, судорог и ревматических болей. Все это вполне согласуется с повериями, относящимися к одержимости, весьма распространенными у евреев и древних христиан. Первые, например, были уверены, что нечистые духи, вследствие своего малого объема, вдыхаются вместе с воздухом и, незаметно пробравшись в тело и действуя на внутренности, причиняют вред здоровью и заставляют свою жертву выполнять их злые желания. Главным местонахождением их в теле считались жирные его части; сверх того раввины полагали, что на земле в каждом отхожем месте обязательно живет какой-нибудь злой дух.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.